

КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА РАЗМЕРОВ НОМЕНКЛАТУРНО-КОРРУПЦИОННОГО ВНЕЭКОНОМИЧЕСКОГО РАСПРЕДЕЛЕНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Д.Г. Бачурин

Тюменский государственный университет, г. Тюмень, Российская Федерация

Информация о статье

Дата поступления

28 июня 2016 г.

Дата принятия в печать

25 июня 2017 г.

Дата онлайн-размещения

29 сентября 2017 г.

Ключевые слова

Номенклатурно-коррупционное
внеэкономическое
перераспределение;
коррупционная рента;
управляющая бюрократия; теневая
экономика; фиктивная экономика;
номенклатурная экономическая
преступность; латентность
экономической преступности; НДС;
прибыль; добавленная стоимость;
предельная избыточность
распределения; криминализация
незаконного обогащения

Аннотация. Цель исследования состояла в определении криминалистических характеристик номенклатурно-коррупционного внеэкономического перераспределения и его деструктивного воздействия на социально-экономическое положение Российской Федерации. В основу исследования была положена комплексная методология с использованием институционального подхода, учитывающего специфику объекта исследования и складывающихся социально-экономических и правовых реалий, определяющих условия встраивания номенклатурно-коррупционного внеэкономического перераспределения в российское социально-экономическое пространство. Нами были получены следующие результаты: рассмотрены условия и особенности функционирования системы номенклатурно-коррупционного перераспределения в Российской Федерации; вскрыты причины формирования и упрочения такого перераспределения, организованного в узкоэгоистичных интересах управляющей элиты; проанализированы его социально-экономические последствия; обоснована оценка масштабов номенклатурного внеэкономического распределения. Сделаны выводы об имеющемся резервном потенциале, открывающемся при прекращении бюджетного воровства и перенаправлении гигантских объемов денежных средств на общественно значимые нужды; о возможности упорного сопротивления отлучению от коррупционной ренты со стороны организованной и прекрасно сознающей свои краткосрочные интересы управляющей бюрократии. Научная новизна заключается в следующем: впервые сформулировано концептуальное положение о том, что в реалиях реформируемой экономики Российской Федерации коррупционный контур номенклатурного внеэкономического распределения дополняет накапливаемый разрушительно-деструктивный потенциал, преграждающий путь к поступательному социально-экономическому развитию нации на основе более справедливого внеэкономического распределения общественного благосостояния. Положения и выводы статьи могут быть использованы в дальнейших криминологических исследованиях рассматриваемого явления, а также при обсуждении вопросов о необходимости законодательных инициатив об уголовной ответственности за преступления экономической направленности, их дополнительной квалификации и определении мер ответственности. В частности, это касается предложений о введении уголовной ответственности за незаконное обогащение.

CRIMINOLOGICAL ASSESSMENT OF THE EXTENT OF BUREAUCRATIC-CORRUPTION NON-ECONOMIC DISTRIBUTION IN THE RUSSIAN FEDERATION

Dmitry G. Bachurin

Tyumen State University, Tyumen, the Russian Federation

Article info

Received

2016 June 28

Accepted

2017 June 25

Available online

2017 September 29

Abstract. The goal of the research is to determine the criminalistic characteristics of bureaucratic-corruption non-economic redistribution and its destructive influence on the social and economic situation in the Russian Federation. Research is based on complex methodology with the use of an institutional approach, which takes into account specific features of the research object and the existing social, economic and legal situation determining the conditions for the inclusion of bureaucratic-corruption non-economic distribution in the Russian social and economic landscape. The author has obtained the following results: he has examined the conditions and specific features of the functioning of the system of bureaucratic-corruption redistribution in the Russian Federation; he has uncovered the causes for the

Keywords

Bureaucratic-corruption non-economic redistribution; corruption rent; governing bureaucracy; shadow economy; fictitious economy; bureaucratic economic crimes; latency of economic crimes; VAT; profit; added value; limiting redundancy of distribution; criminalization of illicit enrichment

emergence and establishment of such redistribution organized to serve the narrow egoistic interests of the governing elites; the author has also analyzed its social and economic consequences and has provided grounds for evaluating the scale of non-economic distribution. The author has drawn conclusions regarding the existing reserve potential that can be used if budgetary theft is stopped and if gigantic money volumes are redirected for publically important purposes; he has also drawn conclusions regarding the possibility of stubborn resistance to the loss of corruption rent from the organized governing bureaucracy that understands its short-term interests very well. The novelty of this research is that the author for the first time formulates the concept that in the present situation of economic reforms in Russia the corruption of bureaucratic non-economic distribution adds to the accumulated destructive potential which hinders the social and economic development of the nation based on a fairer non-economic distribution of public welfare. The clauses and conclusions of the article could be used in further criminological research of the examined phenomenon, in discussions regarding the necessity of legislative initiatives on criminal liability for economic crimes, their additional definition and determination of liability. In particular, it is connected with the ideas of introducing criminal liability for illicit enrichment.

Постановка проблемы оценки масштабов номенклатурно-коррупционного перераспределения в контексте идеи справедливости и необходимость исследования. Феномен номенклатурно-коррупционного перераспределения не может быть рассмотрен вне специфики контекста, он пронизывает все системы общества и государства. Указанные особенности предмета исследования актуализируют различные методологические порядки, дополняющие и усиливающие логику криминологической науки междисциплинарным потенциалом социальных теорий, настраивают на многомерность познания в различных пространственных проекциях юридического, социального, экономического, исторического, философско-антропологического знания.

Проблема коррупционного воровства, выросшего в масштабах государства до системно-устойчивого явления коррупционного внеэкономического распределения денежных средств и прав собственности, неотделима от восприятия идеи справедливости, складывающейся в обществе, тесно связана с состоянием и структурой общества.

Справедливость выступает в качестве одного из фундаментальных оснований социума. Стандарты справедливости создают атмосферу общественности, в которой граждане достигают юридической зрелости с пониманием своих прав в соединении с обязанностями по отношению к другим людям, обществу и государству.

Вопросы справедливости приобретают особую значимость в период социальных потрясений и изменений общественного устройства, выдвигающих коррекцию сложившегося равновесия

представлений о вечных вопросах человеческого общежития: совместимости справедливости и неравенства в доходах и собственности; необходимости компенсаторных действий государства для преодоления этого неравенства; обеспечения минимально приемлемого существования для тех, кто оказался за чертой бедности.

В зависимости от степени согласия относительно нового ценностного равновесия и соответствующего юридического оформления такого согласия происходит переопределение социально-экономической системы общества. Очевидно, что чем контрастней окажется разномысленность представлений о справедливом, тем масштабнее будут транзакционные издержки переходного периода, тем сложнее сохранение имеющейся социокультурной общности и обустройство ее общего дома для дальнейшего сосуществования.

Показательно, что переживаемый кризис встречен активными попытками удержания транзакционных издержек на максимально высоком уровне за счет использования «социального ресурса» — всемерного ограничения расходов на здравоохранение, образование и социальное обеспечение. В данной ситуации преодоление классового разрыва снижением доли социальных расходов в федеральном бюджете мотивировано соображениями сохранения макроэкономической стабильности и объективно способствует предотвращению «чрезмерного» для управляющей элиты сокращения фиктивных потоков внеэкономического распределения. И надо признать, эта попытка вполне удалась. В повседневной правовой практике данный процесс сопровождается пе-

рекосом в сторону понимания законодательной функции государства как единственного источника справедливости¹.

Длительное отсутствие осознания масштабов всеобщей социальной несправедливости, существенное условие которого зависит от оценки подлинных размеров рассматриваемого номенклатурно-коррупционного внеэкономического распределения, позволяет управляющей группе артикулировать знак равенства между законом и справедливостью, низводя справедливость «до степени интереса отдельных групп» [2, с. 24].

Отождествление справедливости с законом позволяет выполнять произвольную смену содержательного контура справедливости в зависимости от складывающейся политической конъюнктуры и выдвигаемых целей государственной политики. Далее уже ничто не ограничивает в пренебрежении законом во имя «высших» ценностей «демократии» и «обеспечения индивидуальных прав и свобод личности».

Решая задачу удержания власти в 1993 г., постперестроечная элита прямо заявляет в указе Президента РФ «О поэтапной конституционной реформе в Российской Федерации» от 21 сентября 1993 г. № 1400 об открытом пренебрежении правом в связи с наличием более высоких ценностей, нежели «формальное следование противоречивым нормам, созданным законодательной ветвью власти»². Первое президентское послание Федеральному Собранию уточняет, что под «основополагающими ценностями» подразумеваются навязываемые нам ценностные абстракции западного образа жизни: «прежде всего права человека», «соразмерность государства природе человека; восстановление естественных пропорций общественного и индивидуального»³, обуславливающие юридические основы власти Запада и ведущие к абсолютизации индивидуализма, исторически чуждого русскому сознанию.

В данном контексте базовая проблематика криминологического исследования может быть

сосредоточена на измерении транзакционных издержек переживаемого перехода. В качестве таковых в настоящем изложении приняты издержки номенклатурно-коррупционного внеэкономического перераспределения. До тех пор пока не очерчены границы данного явления, не определены его качественные и количественные характеристики, изучаемый феномен не является познанным, не может быть представлен во всей полноте своей сущности и учтен при выдвижении аргументации для принятия решений о привнесении элементов справедливого порядка в существующие социальные институты и правоотношения.

Получение четких квалифицированных представлений позволяет в значительной мере расширить круг возможных методологических средств и приемов при выработке мер государственной политики, на которые указывают В.А. Авдеев и О.А. Авдеева, отмечая, что «при всей многоаспектности принимаемых мер противодействия коррупционной преступности должного внимания со стороны компетентных органов государственной власти заслуживает дальнейшее совершенствование нормативного правового регулирования, направленное на устранение пробелов и коллизий уголовного законодательства, детерминирующих проблемы правильной юридической оценки деяний коррупционной направленности» [3].

При определении направлений исследования необходимо также принять во внимание ряд исключительно важных, на наш взгляд, выводов, предложенных профессором Колумбийского университета Джоном Бейтсом Кларком в своих работах «Философия богатства» (1886) и «Распределение богатства» (1899) и немецким исследователем Дитером Брюммерхоффом относительно того, что:

– «право нынешней социальной системы на существование вообще зависит от ее справедливости, но целесообразность ее дальнейшего развития по собственному пути зависит целиком от ее благотворности» [4, с. 12];

– необходимо испытать «справедливость социального строя путем выяснения вопроса о том, дает ли он каждому человеку то, что ему принадлежит, затем проверить его благотворность, выяснив, увеличивается ли принадлежащая каждому доля или уменьшается» [там же];

– в центр исследования должны быть положены внешние по отношению к рассматриваемому

¹ Данная трактовка имеет давнюю историю. Томас Гоббс выдвигает утверждение, что «не истина, а авторитет творит закон». Цит. по: [1, с. 74].

² О поэтапной конституционной реформе в Российской Федерации : указ Президента РФ от 21 сент. 1993 г. № 1400 // Собрание актов Президента и Правительства РФ. 1993. № 39. Ст. 3597.

³ Основные направления внутренней и внешней политики : послание Президента РФ Федер. Собр. от 24 февр. 1994 г. // Российская газета. 1994. 25 февр.

мой системе факторы, определяющие направление и особенности ее развития [4, с. 12];

– «предпосылками практической распределительной политики являются знание целей; знание фактической ситуации (актуальной или ожидаемой), требующее особой статистической информации; знание гипотезы и модели взаимосвязи взаимодействий» [5, с. 364];

– «трудности, возникающие в финансовой политике при превращении формальных критериев справедливости в релевантные операциональные и обширные критерии демонстрируют попытки учесть подлежащий налогообложению доход полностью с помощью трудно обозримого законодательного механизма» [там же, с. 365].

Цели работы достигаются тематизацией следующих направлений исследования:

1. Определение эмпирической базы исследования и результаты криминологических исследований.

2. Рассмотрение субъекта перераспределения и знаковой фиктивности в номенклатурно-коррупционной системе внеэкономического распределения результатов экономической деятельности.

3. Выполнение обзора современного внеэкономического распределения: основные типологии и криминологическая характеристика.

4. Оценка масштабов номенклатурного внеэкономического распределения и интерпретация итогов исследования.

Характеристика эмпирической базы исследования и итоги современных криминологических исследований латентности экономической преступности. Любая управляющая бюрократия не заинтересована в освещении всей картины социально-экономического распределения и всегда удерживает от распространения критично важную для себя информацию. «Причина того, что государственные лица, принимающие решения, сознательно избегают конкретной операциональной формулировки целей распределения, очевидна: они хотят, чтобы эти цели вызвали беспокойство как можно меньшего числа групп общества или же чтобы возможно большее число граждан считало, что процесс государственного перераспределения идет на пользу в особенности им» [5].

Положение, высказанное выше для Германии, вдвойне значимо для Российской Федерации как страны, погруженной в условия сверхнеэквивалентности в распределении благосостояния.

Эмпирические данные, составляющие информационную базу исследования, определяются присутствием в публикациях СМИ, работах ученых-криминологов официальных данных статистики в основном в разрозненном, фрагментарном и противоречивом виде. «Аналитическая и научная работа в данной сфере затрудняется как неопределенностью в вопросе об отнесении тех или иных преступлений к числу коррупционных, так и отсутствием необходимых статистических данных» [6, с. 5].

Анализ научной литературы показывает, что до сих пор отсутствуют непосредственные измерения такого значимого в отечественной действительности явления, каким выступает коррупционное внеэкономическое распределение, осуществляемое представителями управляющей бюрократии и связанного с ней крупного бизнеса.

Отсутствие криминологических исследований по данной узконаправленной тематике можно объяснить тем обстоятельством, что отечественные авторы обычно проводят криминологические исследования, исходя из логики законодательно принятой широкой трактовки экономической преступности, а также посыла о зарождении экономической преступности в «недрах теневой экономики советского социализма» [7, с. 438], ведущего широкое внеэкономическое распределение в интересах большей части советского общества при относительной скромности номенклатуры. Сведения о фактах внеэкономического перераспределения коррупционной ренты, приводимые в таких работах из различных источников, как правило, имеют внесистемный характер, а выводы ограничиваются констатацией бесспорного факта сверхкоррупционного характера современной российской элиты. Следует отметить, что российская экономическая преступность рождена задолго до советской теневой экономики. В наиболее близкой к нам исторической перспективе можно наблюдать экономическую преступность управляющей элиты и связанной с ней крупной буржуазии середины XIX — начала XX в., разрастающуюся при увеличении трат государства в период ведения войны (завышение контрактных цен военных поставок и злоупотребления в ходе самих поставок) и реализации больших строек (крупные подряды на строительство железных дорог). Уже в этот период широко отмечены факты внеэкономического перераспределения коррупционной ренты. В отношении широкого подхода к определению эконо-

мической преступности можно отметить, что, несмотря на декриминализацию ряда малозначительных, но статистически распространенных составов, предусмотренных УК РФ, «пестрота» общей криминологической картины экономической преступности затрудняет научное осмысление ее сегментов, критичных для общественного развития. В лучшем случае авторам удается обозначить некие общие тенденции, связанные с «изменением социальных, экономических, политических условий» [6, с. 23].

Для четкого криминологического определения характеристик коррупционного внеэкономического распределения наиболее продуктивным представляется ограничительный подход, в рамках которого, в частности, сформулировано теоретическое положение, применимое к номенклатурной экономической преступности о том, что беловоротничковая экономическая преступность «должна носить длящийся характер, осуществляться систематически и в рамках легальной деятельности, на основе которой возникают преступные деяния» [8, с. 29].

Рассматриваемое явление включает в себя преступления против государственной власти, интересов государственной и муниципальной службы, когда такие преступления совершаются в связи или в процессе экономических отношений. Как правило, в качестве основных субъектов таких преступлений выступают должностные лица, регулирующие и контролирующие те или иные аспекты экономической деятельности. Соответственно, номенклатурная экономическая преступность очерчена границами преступлений, совместно совершаемых уполномоченными должностными лицами государственной и муниципальной службы, и связанного с ними предпринимательства (собственники, управляющие и ответственные коммерческие работники). Номенклатурная экономическая преступность, по сути, находится на стыке должностной и экономической преступности. Эта область до сих пор объективно представляет собой чрезвычайно закрытое пространство как для теоретических исследований криминологов, так и для внимания правоохранительных и контролирующих органов.

Наметившееся в последнее время выделение коррупционных преступлений без адекватного восприятия их внутренних механизмов, встроенных в социально-экономическую структуру общества, также не способствует решению теоретико-методологических и практических задач определения размеров данного феномена

и эффективных возможностей его преодоления. Отмечая массовое расширение масштабов теневой экономики, зарубежные авторы затрагивают вопросы внеэкономического номенклатурного распределения в основном применительно к коррупционным элитам ряда африканских и ближневосточных государств [9]. Подобный подход вполне понятен в связи с тем, что в развитых капиталистических странах магистральные распределительные потоки имеют фактическое экономическое содержание, а экономическая фиктивность более сосредоточена в легальном банковском секторе и на рынке ценных бумаг.

Вместе с тем достаточно внушительное число отечественных и зарубежных авторов обращаются к проблематике теневой экономики, в той или иной степени затрагивающей вопросы внеэкономического распределения. В одной из первых публикаций по данной теме в 1977 г. П. Гутман прежде всего указывает, что «подпольную экономику и черные рынки» недопустимо игнорировать [10, р. 20].

При обобщении исследований ряда зарубежных авторов (Х. Ахумады [11], Г. Беккера [12], П. Бернаскони [13], К. Мюллера [14], К. Освальда [15], Р. Роуза [16], А. Цюнда [17]) видны различия в типологиях теневой экономики, проявляющиеся в разных масштабах ее распространения, формах социально-экономической реализации, особенностях национального и наднационального контроля и корректировки в рассматриваемой сфере правоотношений.

С середины XX в. завоевывает авторитет предложение американского криминолога Эдвина Сазерленда об ограничении экономической преступности кругом наиболее опасной так называемой беловоротничковой преступности (когда деяния совершаются представителями социальной группы, связанной с управлением) [18].

Выделение преступлений, совершаемых во время выполнения субъектами своих профессиональных функций в виде злоупотреблений экономической властью, происходит после подведения итогов Великой депрессии, вызванной в том числе резким расширением фиктивной экономики США. Представители этой группы преступников облечены властью и доверием, имеют должности «в правительстве, промышленности, профсоюзах и иных гражданских организациях» [19, р. 9] и высокий социальный статус.

К настоящему времени подходы к понятию беловоротничковой преступности вновь претерпевают изменения, и она начинает входить

в круг общей экономической преступности, сопряженной со сферой теневой экономики. В контексте нашего исследования тот краткий период 1940–1990-х гг., когда западная беловоротничковая преступность выделена в отдельно структурированную криминологическую категорию, представляет особый интерес. По сути, именно отечественные белые воротнички в их наиболее предельном выражении являются акторами внеэкономического коррупционного распределения в Российской Федерации при достаточно систематической консультационной поддержке их коллегами из-за рубежа.

В своих работах российские ученые Е.Н. Кондрат и В.Д. Ларичев приводят обширные обзоры исследований теневой экономики и экономической преступности, предпринимают попытки их систематизации, дающие представление о состоянии разработки данной тематики [20; 21]. Отдельно вопрос злоупотреблений в сфере госзакупок рассматривается в монографии НИИ Академии Генпрокуратуры РФ, содержащей общую криминологическую характеристику данного явления, его основные параметры, динамику и способы совершения преступлений [22].

Результаты криминологической науки постепенно воспринимает законодательная и правоохранительная практика. В частности, теоретически разработанные признаки коррупционной преступности находят свое всестороннее отражение в межведомственном нормативном акте МВД и Генеральной прокуратуры Российской Федерации⁴.

В сфере экономической деятельности отмечается гиперлатентность преступлений, указывающая на то, что «по зарегистрированной их части нельзя судить с высокой степенью вероятности о развитии феномена в целом» [23, с. 504]. Тем не менее имеющиеся данные при условии использования допустимой методологии относительно степени латентности экономических деликтов, накопленных криминологической наукой, могут быть минимально достаточны для получения значимых результатов исследования. В качестве ценного материала, накопленного отечественными учеными-криминологами и сделавшего возможным проведение настоя-

щего исследования, выступают результаты экспертной оценки уровней латентности экономической преступности.

При имеющихся различиях, обусловленных разным составом изучаемых данных, исследователи в целом дают обоснованно высокие оценки латентности экономической преступности [6; 7; 23; 24]. Медиана уровней латентности, определяемых экспертами и представленных в табл. 1, составляет 95,03 %.

Таблица 1 / Table 1

**Оценка латентности
экономических преступлений
в научных публикациях ведущих российских
специалистов-криминологов***
**Evaluation of the latency of economic crimes
in research publications by leading Russian
specialists on criminology**

Автор / Author	Источник публикации / Source of publication	Уровень выявления (латентность) / Level of detection (latency)
В.В. Лунеев / V.V. Luneev	Юридическая статистика. М. : Юрист, 2007. С. 326	Выявляется 3–5 % от фактического числа преступлений
	Курс мировой и российской криминологии : в 2 т. М. : Юрайт, 2015. Т. 2 : Особенная часть. С. 447	Выявляется 1–5 % от фактического числа преступлений
В.Е. Эминов / V.E. Eminov	Концепция борьбы с организованной преступностью в России. М. : Проспект, 2007. С. 23	Может в 300 раз превышать зарегистрированную, т.е. выявляется 0,33 % от фактического числа преступлений
	Криминология / отв. ред. В.Е. Эминов. М. : Проспект, 2015. С. 517	Выявляется 1–5 % от фактического числа преступлений
В.Н. Кудрявцев / V.N. Kudryavtsev	Криминология : учебник / под ред. В.Н. Кудрявцева. М. : Норма : Инфра-М, 2015. С. 511	Может в 200 раз превышать зарегистрированную, т.е. выявляется 0,5 % от фактического числа преступлений
Е.О. Алауханов / Е.О. Alaukhanov	Криминология : учебник. СПб. : Юрид. центр Пресс, 2013. С. 368	Составляет от 70 до 90 %, т.е. выявляется от 10 до 30 преступлений из 100

* Среднее арифметическое значение оценок уровня латентности составляет 95,03 %, при котором выявляется 4,97 % от фактического числа преступлений.

⁴ О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности [Электронный ресурс] : указание Генпрокуратуры России № 744/11, МВД России № 3 от 31 дек. 2014 г. // СПС «КонсультантПлюс». Документ опубликован не был.

Данные значения совпадают с результатами исследований НИИ Генеральной прокуратуры РФ, показавшими, что «реальное число налоговых преступлений в 20 раз превышает число зарегистрированных» [25]. Поэтому в исследовании принят уровень латентности налоговых преступлений и незаконной банковской деятельности в размере 95 %.

Инструменты и методологические подходы в оценке масштабов номенклатурного внеэкономического распределения. В качестве средства преодоления латентности в исследовании предлагается пооперационный анализ информации, относящейся к тем объемам перераспределяемых денежных средств, которые, так или иначе, выявляются на отдельных отрезках движения по каналам коррупционного распределения.

Средствами пооперационного анализа могут выступать следующие инструменты:

1. Налогообложение добавленной стоимости, которое в качестве основного маркера базовых стыковых операций по внедрению знаковой фиктивности в пространство реальной экономики позволяет воспользоваться макроэкономическими результатами контрольной и правоохранительной деятельности по выявлению НДС-злоупотреблений, отражаемых в ежегодной статистической отчетности ФНС РФ и МВД РФ.

2. Верифицированный уровень латентности экономических, в том числе налоговых, преступлений, определенный на основании результатов экспертных оценок.

3. Пооперационный алгоритм (стадийность) коррупционно-номенклатурного перераспределения, который предполагает выделение следующих этапов:

– *первый этап* — оформление фиктивного документооборота и встраивание его в легальную финансово-хозяйственную деятельность организаций — получателей бюджетных средств;

– *второй этап* — предъявление результатов финансово-хозяйственной деятельности, отраженных в фиктивной документации, бюджетораспорядителям и контролирующим органам;

– *третий этап* — осуществление банковских операций по переводу денежных средств из легального в теневой оборот через криминальные сети, состоящие из банковских учреждений, «технических» компаний, в основном выполняющих роль посредников в цепочках исполнения контракта и участвующих в демонстрации фактичности вымышленной деятельно-

сти, а также организаций-однодневок, поглощающих операционные налоговые издержки;

– *четвертый этап* — обналичивание денежных средств с последующим вложением в материальные активы или вывод денежных потоков за пределы территории управления.

Методология определения объемов коррупционно-номенклатурного перераспределения основана:

– на фактически сложившейся последовательности формирования фиктивной добавленной стоимости и последующего ее переопределения в эквиваленты денег (безналичные и наличные, рублевые и валютные денежные средства) и права собственности;

– положении, при котором на всех этапах своих перемещений в экономическом пространстве перераспределяемая коррупционная рента попадает в поле зрения ряда уполномоченных органов: ФНС РФ, Росфинмониторинг, ЦБ РФ, Счетная палата РФ, МВД РФ, СК РФ, а также СМИ, неправительственных организаций и отдельных физических лиц. Сведения о таком наблюдении отражаются в ведомственных статистических отчетах, в публичных заявлениях и публикациях;

– возможности проверки, аппроксимации и интерпретации результатов проводимого анализа.

Поэтому расчетная часть исследования сосредоточена на следующих направлениях:

1. Выполнение общего статистического обзора экономических преступлений, выявленных МВД РФ, свидетельствующего о коррупционном внеэкономическом распределении.

2. Получение данных об объемах коррупционного внеэкономического распределения, исчисленных с применением уровня латентности экономической преступности на основе сопоставления:

– статистических сведений об ущербе от преступлений по ст. 199 УК РФ «Уклонение от уплаты налогов и (или) сборов с организаций»;

– сведений налоговых органов о доначислениях в ходе выездных проверок с участием сотрудников БЭП МВД;

– данных о размерах выявленного оборота незаконной банковской деятельности по обналичиванию денежных средств.

3. Сопоставление оценок размеров обналичивания, содержащихся в публикациях и выступлениях руководителей Правительства РФ, ЦБ РФ, Счетной палаты РФ и Росфинмониторинга, масштабов финансовых злоупотре-

блений при исполнении расходной части бюджета и размеров обналичивания денежных средств с учетом выборки наиболее значимых случаев незаконной банковской деятельности в 2011–2015 гг.

4. Итоговое обобщение полученных данных об объемах коррупционного внеэкономического распределения и соотнесение их с размерами расходов годовых бюджетов РФ.

Оценка масштабов номенклатурно-коррупционного внеэкономического распределения. Придерживаясь традиции о предварении криминологического анализа обзором криминальных деликтов, соответствующей сферы преступной деятельности, в табл. 2 мы сгруппировали статистические сведения об экономических преступлениях, имеющих коррупционный характер, за 2011–2015 гг.

Таблица 2 / Table 2

Сведения МВД РФ о количестве экономических преступлений, размерах причиненного материального ущерба, свидетельствующих о коррупционном внеэкономическом распределении*

Information from the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation on the number of economic crimes, extent of the inflicted material damage that indicate the corruption non-economic distribution

Составы преступлений, выявленные в отчетном периоде / Crimes detected in the reporting period	2011	2012	2013	2014	2015
Мошенничества, связанные с незаконным возмещением НДС (ч. 4 ст. 159 УК РФ) / Frauds connected with illegal reimbursement of the VAT (Part 4, Art. 159 of the CC of the RF)	767	846	882	842	729
Размер причиненного материального ущерба по ст. 159 УК РФ, тыс. р. / Extent of the inflicted material damage under Art. 159 of the CC of the RF, th. rbl.	1 607 511	1 801 526	4 321 907	3 401 900	1 963 654
Присвоения и растраты (ч. 2–4 ст. 160 УК РФ) / Attribution and embezzlement (Parts 2–4, Art. 160 of the CC of the RF)	13 477	15 451	12 268	7 666	7 207
Размер причиненного материального ущерба по ст. 160 УК РФ, тыс. р. / Extent of the inflicted material damage under Art. 160 of the CC of the RF, th. rbl.	4 011 202	4 024 515	6 227 229	7 942 749	13 373 808
Уклонение от уплаты налогов и (или) сборов с организаций (ст. 199 УК РФ) / Evasion of taxes and (or) duties for organizations (Art. 199 of the CC of the RF)	1 922	1 711	1 673	1 291	1 747
Размер причиненного материального ущерба по ст. 199 УК РФ, тыс. р. / Extent of the inflicted material damage under Art. 199 of the CC of the RF, th. rbl.	15 677 211	14 592 467	63 987 288	24 539 768	32 600 824
Злоупотребление полномочиями (ст. 201 УК РФ) / Abuse of office (Art. 201 of the CC of the RF)	907	1 048	1 333	723	808
Размер причиненного материального ущерба по ст. 201 УК РФ, тыс. р. / Extent of the inflicted material damage under Art. 201 of the CC of the RF, th. rbl.	5 771 875	4 317 635	6 806 866	8 101 139	14 550 179
Нецелевое расходование бюджетных средств (ст. 285.1 УК РФ) / Misappropriation of budgetary funds (Art. 285.1 of the CC of the RF)	31	57	34	27	14
Размер причиненного материального ущерба по ст. 285.1 УК РФ, тыс. р. / Extent of inflicted material damage under Art. 285.1 of the CC of the RF, th. rbl.	67 441	73 338	26 794	12 060	11 929

Окончание табл. 2 / End of the table 2

Составы преступлений, выявленные в отчетном периоде / Crimes detected in the reporting period	2011	2012	2013	2014	2015
Превышение должностных полномочий (ст. 286 УК РФ) / Abuse of authority (Art. 286 of the CC of the RF)	1 247	1 365	969	577	563
Размер причиненного материального ущерба по ст. 286 УК РФ, тыс. р. / Extent of the inflicted material damage under Art. 286 of the CC of the RF, th. rbl.	477 141	382 635	415 600	329 813	853 577

* Сведения о преступлениях приведены и сгруппированы на основании ежегодных статистических отчетов МВД РФ по форме 495.

На наш взгляд, нельзя категорично согласиться с утверждением о том, что «статистика МВД далека от объективного отображения реальных негативных процессов в экономике» [26, с. 147]. Статистика МВД РФ отображает реальные процессы в социально-экономической жизни общества, если ее воспринимать с учетом корректировок воздействующих на нее внешних и внутренних факторов. В качестве таковых прежде всего выступает эффективность подразделений по борьбе с экономической преступностью и коррупцией МВД РФ, в значительной мере ограничиваемая процессами реформирования: переаттестацией и массовыми увольнениями, систематической сменой руководящего состава центральных и местных структур в 2012–2015 гг. В основе внешних факторов находится состояние общества, определяющее степень нетерпимости к неэквивалентному номенклатурному внеэкономическому распределению вообще и ее откровенно криминально-коррупционной части в особенности. При этом в разные периоды воздействие эндогенных и экзогенных факторов может различаться и существенно влиять на завышение и занижение статистических показателей. В предлагаемом обзоре (см. табл. 2) в пяти из шести групп преступлений наблюдается снижение

статистических показателей и лишь в одной группе — ст. 199 УК РФ «Уклонение от уплаты налогов и (или) сборов с организаций» — отмечается рост числа деликтов и размеров выявленного ущерба. В связи этим необходимо отметить, что на показатели налоговой преступности влияет деятельность ФНС РФ, которая фактически и выявляет налоговые злоупотребления. Органы внутренних дел в данном случае лишь фиксируют статистику налоговых преступлений, выполняя сравнительно незначительный объем оперативно-розыскных мероприятий в ходе выездных проверок налогоплательщиков.

Снижение статистических показателей в отношении остальных пяти групп деликтов более свидетельствует о сворачивании активной работы МВД РФ по выявлению экономических преступлений коррупционной направленности. Поскольку ущерб от рассматриваемых преступных деяний несет государство, то их выявление целиком зависит от качества работы правоохранительных и контролирующих органов.

Представляет интерес информация МВД РФ о размерах причиненного материального ущерба по ст. 199 УК РФ, которую возможно учесть при определении объемов коррупционного внеэкономического распределения (табл. 3).

Таблица 3 / Table 3

Объемы коррупционного внеэкономического распределения (ВЭР), исчисленные исходя из размеров причиненного ущерба по ст. 199 УК РФ с применением значений латентности экономической преступности

Volumes of corruption non-economic distribution (NED) calculated based on the extent of inflicted damage according to Art. 199 of the Criminal Code of the Russian Federation using the latency values of economic crimes

Показатель / Indicator	2011	2012	2013	2014	2015
Число выявленных преступлений по ст. 199 УК РФ / Number of detected crimes under Art. 199 of the CC of the RF	1 922	1 711	1 673	1 291	1 747

Окончание табл. 3 / End of the table 3

Показатель / Indicator	2011	2012	2013	2014	2015
Размер причиненного материально-го ущерба по ст. 199 УК РФ, тыс. р. / Extent of the inflicted material damage according to Art. 199 of the CC of the RF, th. rbl.	15 677 211	14 592 467	63 987 288	24 539 768	32 600 824
Сумма НДС, сокрытая от уплаты и выявленная органами МВД РФ в отчетном периоде, тыс. р. * / VAT volumes withheld from payment and detected by the Internal Affairs Bodies of the RF in the reporting period, th. rbl.	7 054 745	6 566 610	28 794 279	11 042 895	14 670 370
Объем уклонения от уплаты НДС, выявленный в отчетном периоде и исчисленный с применением значений латентности экономической преступности, тыс. р. / Volume of VAT evasion detected in the reporting period, calculated using the latency values for economic crimes, th. rbl.	141 094 899	131 332 203	575 885 592	220 857 900	293 407 400
Объем ВЭР, определенный исходя из размеров сокрытого НДС, тыс. р. / Volume of NED determined based on the volume of withheld VAT, th. rbl.	783 860 550	729 550 388	3 199 044 464	1 226 865 634	1 629 787 107
Объем расходов федерального бюджета, трлн р. / Volume of expenditures in the federal budget, trillion rbl.	10,926	12,895	13,343	14,832	15,531
Соотношение объема ВЭР и расходов федерального бюджета, % / Correlation between the volume of NED and the expenditures of the federal budget, %	7,17	5,65	23,98	8,27	10,49

* 45 % от общей суммы выявленных налогов составляют суммы НДС.

Разброс статистических показателей размеров причиненного в 2011–2015 гг. ущерба по ст. 199 УК РФ не позволяет получить полностью применимые результаты исследования. В данном случае можно почти согласиться с утверждением А.Б. Марданова в отношении статистики МВД РФ о том, что ее «анализ приводит, как ни странно, к противоречивым результатам» [26].

Вместе с тем следует подчеркнуть, что данные МВД РФ показывают соотношение доли годовых объемов номенклатурного ВЭР в расходах федерального бюджета в диапазоне от 5,65 до 23,98 %, максимальные показатели которого приближаются к данным, полученным при итоговой оценке коррупционных денежных потоков (табл. 4), совпадая с их нижним порогом 2015 г.

Таблица 4 / Table 4

Объемы фиктивного коррупционного оборота и соответствующего ему незаконного возмещения НДС*

Volumes of fictitious corruption cash flow and corresponding illegal reimbursement of the VAT

Показатель / Indicator	2011	2012	2013	2014	2015
Объем фиктивного коррупционного оборота, млрд р. / Volume of fictitious corruption cash flow, bln. rbl.	4 940,8	5 587,6	5 130,1	5 165,6	4 863,9
Размер незаконно возмещаемого НДС в результате коррупционного оборота, млрд р. / Volume of illegally reimbursed VAT resulting from corruption cash flow, bln. rbl.	889,3	1 005,7	923,4	929,8	875,5

Окончание табл. 4 / End of the table 4

Показатель / Indicator	2011	2012	2013	2014	2015
Число выявленных фактов ведения незаконной банковской деятельности по обналичиванию денежных средств** / Number of detected facts of conducting illegal banking operations of encashment	192	229	251	272	287
Величина выявленного оборота незаконной банковской деятельности по обналичиванию денежных средств, млрд р. / Volume of the detected cash flow in illegal banking operations of encashment, bln. rbl.	2 442,0	2 690,0	1 470,0	1 523,0	1 728,7

* Представленные сведения подготовлены на основании: отчетов о структуре начисления налога на добавленную стоимость по форме № 1-НДС, результатов проверок соблюдения законодательства о налогах и сборах, проведенных налоговыми органами самостоятельно и с участием органов внутренних дел по форме 2-НМ, отчетов о результатах контрольной работы налоговых органов (сведения о проведении камеральных и выездных проверок) по форме № 2-НК за период 2011–2015 гг., размещенных на официальном сайте ФНС РФ (https://www.nalog.ru/rn72/related_activities/statistics_and_analytics/forms).

** Данные за 2011–2014 гг. приведены по источнику: Преступность и правонарушения, 2014 : стат. сб. М. : ГИАЦ МВД РФ, 2014. 180 с.

При наложении итоговых данных (см. табл. 6) с данными МВД РФ (см. табл. 3) наблюдается совпадение тенденции достижения максимума ВЭР в 2013 г. на временном отрезке 2012–2015 гг., что свидетельствует об относительной сопоставимости сведений МВД РФ с информацией контролирующих ведомств.

В данном контексте необходимо отметить, что ФНС РФ обладает аппаратными возможностями, обеспечивающими активное администрирование налогообложения добавленной стоимости в режиме НДС. Статистические данные, отражающие итоги такого администрирования, позволяют провести расчеты объемов ВЭР исходя из результативности совместных с оперативными сотрудниками МВД выездных проверок организаций-налогоплательщиков. Согласно форме 2-НМ, среднее значение доначислений НДС (без пеней и штрафных санкций) в общей сумме налоговых начислений составляет 22 %. Данное значение указывает на объем криминального сокрытия НДС, который, в свою очередь, позволяет исчислить общий размер незаконно возмещаемого НДС в результате фиктивного номенклатурно-коррупционного оборота с применением уровня латентности экономической преступности 95 % и объем такого оборота.

Информация, накопленная в процессе изучения второго этапа номенклатурного перераспределения коррупционной ренты, дополняется итогами третьего этапа, когда криминальный доход, извлекаемый в ходе хищения денежных средств и сопряженных с ними НДС-деликтов, в дальнейшем попадает в сети незаконных бан-

ковских операций. Уточнение полученных параметров НДС-деликтов возможно исходя из величин выводимых из легального оборота денежных средств.

Незаконное обналичивание приносит значительный теневой доход банковскому сектору, сравнимый с доходом от предоставления стандартного набора банковских услуг. ЦБ РФ, оценивая объемы обналичиваемых денежных средств, признает, что:

– в 2013–2015 гг. теневой рынок обналичивания денег составляет 3,7 трлн р. [27];

– объем операций по обналичиванию составляет в 2014 г. 1,8 трлн р., в 2015 г. — 0,5–0,7 трлн р.⁵

В феврале 2016 г. Росфинмониторинг комментирует ситуацию с незаконным обналичиванием денег: «По нашему мнению, она улучшается, что видно из динамики сокращения обналичивания с 560 млрд руб. в 2013 году до 180–200 млрд руб. в 2014–2015 годах» [28].

Противоречивость ЦБ РФ и Росфинмониторинга вызывает сомнения в достоверности предложенных оценок. В частности, можно отметить следующие несоответствия:

– информация об обналичивании по данным Росфинмониторинга на порядок отлична от сведений ЦБ РФ;

– ЦБ РФ утверждает, что ситуация в 2014 г. в сравнении с 2013 г. не улучшилась, а по информации агентства, происходит кардинальное снижение объемов криминального обналичивания денежных средств;

⁵ Старые схемы для новых денег // Ведомости. 2016. 12 февр.

– в пресс-релизе от 6 марта 2016 г. об итогах работы Росфинмониторинга за 2015 г. сообщается «о пресечении деятельности 4 теневых площадок с объемом обналичивания более 140 млрд рублей», что не вполне коррелирует с собственной оценкой всего обналичивания в Российской Федерации в размере 180–200 млрд р., обнародованной в сообщении от 9 февраля 2016 г.;

– нет пояснений, в связи с какими обстоятельствами столь резко меняются оценки ЦБ

РФ в определении объемов обналичиваемой денежной массы в 2014–2015 гг., тогда как Росфинмониторинг указывает, что ее величины в 2014–2015 гг. примерно одинаковы и равны 180–200 млрд р. в год.

С учетом информации о деятельности группы А. Григорьева, обналичившей в 2015 г. «рекордные» 1,0 трлн р. (табл. 5), можно констатировать, что официальные оценки ЦБ РФ и Росфинмониторинга за 2015 г. существенно занижены и не соответствуют действительности.

Таблица 5 / Table 5

Сведения о наиболее крупных фактах незаконной банковской деятельности (ст. 172 УК РФ), выявленных в 2011–2015 гг.

Information on the most prominent cases of illegal banking operations (Art. 172 of the Criminal Code of the Russian Federation), detected in 2011–2015

Руководитель группы по обналичиванию денежных средств / Leader of the group involved in encashment	Период работы / Period	Величина оборота, млрд р. / Turnover volume, bln. rbl.	Участники схем по обналичиванию денежных средств / Encashment scheme participants	Источник информации / Source of information
Александр Григорьев, совладелец КБ «Западный», «Донинвест», «Транспортный»	2013–2015 гг.	46 млрд дол., годовой оборот группы достигает 1 трлн р.	60 банков и более 500 физических лиц	http://www.kommersant.ru/doc/2846114
Борис Булочник, председатель правления «Мастер-банка»	2013 г., январь — февраль	200	200 фирм	http://www.forbes.ru/finansy-photogallery/igroki/253803-koroli-obnala-9-bankirov-obnalichivshikh-600-mlrd-rublei/photo/1
Сергей Магин, председатель ТСЖ «Панорама»	2008–2013 гг.	200	100 фирм, 400 физических лиц	http://www.kommersant.ru/doc/2810952
Абдула Гасанов, депутат Левашинского района Дагестана (партия «Единая Россия»)	2005–2012 гг.	100	Количество фирм неизвестно. В схеме участвует 11 дагестанских банков	http://www.kommersant.ru/doc/2426434
Антон Горбачев, генеральный директор «Дизайн Интерьер»	2012 г., январь — декабрь	11,4	...	http://www.kommersant.ru/doc/2400597
Роман Недалков, кассир обменного пункта КБ «Риком»	2011 г., февраль — октябрь	100	Более 100 фирм	http://www.rosbalt.ru/moscow/2011/11/28/917877.html
Артем Сисаакян, организатор преступной схемы	2010–2011 гг.	70	Более 50 фирм, работавших через «Фонд-сервисбанк»	Саськов К. Минимальные обороты по каждой из 50 фирм составляли 1 миллиард рублей // Административное право. 2012. № 2. С. 28–30

Явная несопоставимость этих данных обуславливает возможность использования све-

дений ЦБ РФ и Росфинмониторинга лишь в сочетании с информацией, полученной из других

источников. Кроме того, нельзя не заметить, что Росфинмониторинг ограничен в своих оценках. В отличие от ЦБ РФ, не обладая всей полнотой данных, агентство пользуется сведениями, получаемыми из банков, которые не содержат итоги работы подразделений инкассации об объемах и динамике наличных средств торговых предприятий, не имеют сводных учетных данных терминалов платежных систем, через которые, по словам директора департамента финансового мониторинга и валютного контроля ЦБ РФ Юрия Полупанова, только в 2014 г. прошло «мимо кассы» и было продано за безналичные денежные средства 900 млрд р.⁶ Специалисты Росфинмониторинга анализируют получаемые сведения, исходя из известных методик и приемов, а «обнальщики» действуют, постоянно изобретая новые, все более сложные схемы и уходя в другие зоны легальной экономики — потребительский рынок и крупные банки [28]. По данным МВД РФ, общий размах незаконной банковской деятельности определяют сотни организованных групп и около трети российских коммерческих банков. В связи с наметившейся тенденцией к сокращению участия банков в таких операциях (в связи с усилиями ЦБ РФ по уменьшению числа банков) в круг поставщиков наличных средств входят продовольственные, вещевые, строительные, торговые и транспортные компании.

Открывает панораму каналов коррупционного движения денежных средств сообщение ЦБ РФ в октябре 2011 г. о наблюдаемом в 2010 г. в платежной системе банка обороте 4,24 трлн р. у 248 580 организаций, не уплачивающих налоги в бюджет. ЦБ РФ также указывает 123 тыс. организаций с налоговыми отчислениями менее 0,1 % платежного оборота, но не публикует данные об их оборотах [29, с. 8]. Представление об объемах денежных потоков, «обслуживающих» подавляющее большинство значимых хозяйствующих субъектов в Российской Федерации, уточняет выступление 19 июня 2013 г. Сергея Игнатьева на заседании Государственной Думы, когда в последний день своей работы в статусе председателя ЦБ РФ он сообщает сведения лишь об одной сети фирм-однодневок из 1 173 организаций, кото-

рая незаконно в 2010–2012 гг. вывела из России 760 млрд р. (23,5 млрд дол.)⁷.

Представители Правительства Российской Федерации неоднократно заявляют о гигантских объемах обналичиваемых денежных средств:

– первый вице-премьер Виктор Зубков в 2011 г. говорит о том, что через фирмы-однодневки в 2010 г. выведено и обналичено 2,8 трлн р.⁸;

– первый вице-премьер Игорь Шувалов 21 февраля 2013 г. сообщает, что от деятельности фирм-однодневок бюджет страны ежегодно теряет до 1 трлн р.⁹

Академия Генеральной прокуратуры Российской Федерации отмечает существующие «обороты отмываемых криминальных капиталов в 2 трлн руб.» [6, с. 191].

Сопоставление сведений о денежных размерах злоупотреблений с НДС, финансовых нарушениях при исполнении расходной части бюджета в 2011–2015 гг. и объемах обналичивания позволяет в итоге определить величину оборотов фиктивной экономики, выводимых в номенклатурно-коррупционный оборот внеэкономического распределения.

Обобщение экспертных данных о потоках перераспределения бюджетных средств в коррупционный оборот в соотнесении их со сведениями о незаконном возмещении НДС, выявляемом налоговыми органами, позволяет увидеть нижнюю границу ежегодного номенклатурно-коррупционного распределения в интервале 3,3–4,0 трлн р., что составляет 4,7–5,9 % ВВП Российской Федерации и попадает в положительную статистику роста данного показателя в период 2011–2015 гг.

Полученные выводы экстраполированы в качестве общих тенденций с выделением потенциально релевантных факторов и их значимых сочетаний, определяющих особенности экономико-правовой реальности и контуры латентной беловоротничковой преступности в Российской Федерации, обеспечивающей коррупционное внеэкономическое распреде-

⁶ ЦБ перекрыл мощный канал обналички [Электронный ресурс] // Ведомости. 2015. 23 сент. URL: <http://www.vedomosti.ru/finance/articles/2015/09/23/609929-tsb-perekiril-moschnii-kanal>.

⁷ Игнатьев: сеть фирм-однодневок вывела из России 760 млрд рублей [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rosbalt.ru/business/2013/06/19/1142655.html>.

⁸ URL: http://taxpravo.ru/novosti/statya-175372-v_proshlom_godu_v_rossii_byilo_otmyito_2_trln_rub.

⁹ URL: <http://www.rosbalt.ru/business/2013/02/21/1097061.html>.

ление. Обобщенные результаты данных исследований, представленные в табл. 6, свидетельствуют о том, что:

– процесс распределения как минимум четверти бюджета Российской Федерации носит номенклатурно-коррупционный внеэкономический характер. Данное положение открывает пространство криминальных угроз и социальной неопределенности. Поскольку характер присвоения предопределяет характер присваивающего субъекта, то коррупционный характер номенклатурного перераспределения определяет криминальные характеристики управляющей элиты;

– коррупционное воровство, внедряемое в строительные сметы, расчеты товарных поставок и оказываемых услуг, искажая итоги отечественной статистики, в значительной степени формирует положительную динамику отечественного ВВП и дезорганизует процесс управления социально-экономическим развитием страны. В статистических индикаторах присутствует не только вновь создаваемая стоимость, но и вымышленный продукт, обретающий знаковую предметность под прикрытием документов, отражающих фиктивные объемы валового внутреннего продукта.

Таблица 6 / Table 6

Определение объема номенклатурно-коррупционного внеэкономического распределения (НКВЭР) и его доли в объеме ВВП и сумме расходной части федерального бюджета

Determining the volume of bureaucratic-corruption non-economic distribution (BCNED) and its share in the GDP volume and the sum of the expenditures of the federal budget

Год / Year	Объем ВВП/ сумма рас- ходной части федерального бюджета в теку- щих рыночных ценах, трлн р. / GDP volume/ sum of the expenditures of the federal budget in the current market prices, trillion rbl.	Объем обна- личиваемых денежных средств в банковской системе по данным ЦБ РФ/РФМ, трлн р. / Volume of the cashed out sums in the bank system, according to data from the Central Bank of the RF/Russian Financial Monitoring, trillion rbl.	Размер незаконно возмещаемого НДС в результате фиктивного кор- рупционного обо- рота по данным ФНС РФ, трлн р. * / Volume of illegally reimbursed VAT resulting from fictitious corruption cash flow, according to data from the Federal Tax Service of the Russian Federation, trillion rbl.	Объем фиктив- ного корруп- ционного оборота, рассчитанный по данным ФНС РФ, трлн р. / Volume of fictitious corruption cash flow, calculated according to data from the Federal Tax Service of the Russian Federation, trillion rbl.	Медиана оценок объемов НКВЭР (трлн р.) в интер- вале значений, исчисленных по данным ЦБ РФ и ФНС РФ** / Median evaluation of the BCNED volume (trillion rbl.) in the interval of values calculated according to data from the Central Bank of the RF and the Federal Tax Service of the RF	Доля НКВЭР в объеме ВВП/ сумме рас- ходной части федерального бюджета, % / Share of BCNED in the volume of GDP/the sum of the expenditures of the federal budget, %
2015	80,4/15,531	1,2/0,18–0,2	0,875	4,863	2,7–4,9/3,8	4,72/24,46
2014	70,9/14,832	1,6–1,8/ 0,18–0,2	0,929	5,165	2,8–5,2/4,0	5,64/26,96
2013	66,1/13,343	1,2–1,5/0,56	0,923	5,130	2,7–5,1/3,9	5,90/29,23
2012	62,1/12,895	...	1,005	5,587	1,1–5,6/3,35	5,39/25,98
2011	56,0/10,926	1,4/...	0,889	4,940	1,6–4,9/3,25	5,80/29,74

* Размер незаконно возмещаемого НДС рассчитан с учетом определенного для целей настоящего исследования уровня латентности налоговых преступлений и незаконной банковской деятельности в размере 95 %.

** Данные ЦБ РФ скорректированы с учетом сведений о преступлениях по ст. 172 УК РФ, публикуемых в открытых источниках. В данной графе: первая оценка соответствует откорректированным данным ЦБ РФ; вторая оценка составляет объем фиктивного коррупционного оборота, рассчитанный по данным ФНС РФ; третье значение представляет собой медиану первой и второй оценок.

Интерпретация результатов и выводы.

Анализ данных, изложенных в настоящей статье, позволяют сделать ряд обобщений.

Парадокс сложившейся модели отечественного ВЭР состоит в том, что властной группой номенклатурной бюрократии удалось, по сути, стать собственником государства. Само положение управляющей финансовыми потоками бюджета позволяет ей стабильно осуществлять неэквивалентное распределение, переопределяя достаточно высокую долю государственных расходов в размере от 25 до 33 % в ежегодную коррупционную ренту. Невероятно высокая доля внеэкономического номенклатурного изъятия бюджетных средств не позволяет квалифицировать его как простые транзакционные издержки, которые вынуждено нести общество в переходный период.

Проясняющаяся картина поистине беспредельных бюджетных изъятий в интересах крайне узкой группы лиц во власти и управлении может свидетельствовать как об имеющемся резервном потенциале, связанном с перспективой прекращения бюджетного воровства и перенаправления гигантских объемов денежных средств на общественно значимые нужды, так и о возможности упорного сопротивления отлучению от коррупционной ренты со стороны организованной и прекрасно сознающей свои краткосрочные интересы управляющей бюрократии.

Совершенно очевидно, что присвоение нескольких годовых федеральных бюджетов сравнительно небольшой группой населения, ориентированной на западные стандарты жизни и потребления, не превышающей в совокупности 200 тыс. чел., не может не вызывать крайние дисбалансы в экономике и общественной жизни. Поэтому в логике рассуждений о повышенной общественной опасности вывода каналов коррупционного перераспределения за пределы

национальной экономики вполне оправданным выглядит использование данного положения при выдвижении законодательных инициатив об уголовной ответственности за преступления экономической направленности, их дополнительной квалификации и определении мер ответственности. В частности, это касается предложений о введении уголовной ответственности за незаконное обогащение, высказываемых в ходе дискуссии, ведущейся с момента ратификации¹⁰ Российской Федерацией Конвенции ООН 2003 г.¹¹ о правовых возможностях [30] реализации положений ст. 20 Конвенции о противодействии незаконному обогащению.

Государство в части, составляющей наиболее дееспособное крыло управляющей элиты, не способно проконтролировать и пресечь эгоизм коррупционного распределения, поэтому статистические данные, анализируемые в статье, должны быть восприняты с максимальной критичностью, поскольку лишь приблизительно отражают фактическую картину процессов, закрывающих сконцентрированный федеральным центром потенциал для социально-экономического развития российского общества.

В этом смысле задача дальнейших исследований видится в умножении знаний о существующей фактичности управляющей системы, возможностях перехода к более справедливому внеэкономическому распределению общественного благосостояния и устранению преград в социально-экономическом развитии нации.

¹⁰ О ратификации Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции : федер. закон от 8 марта 2006 г. № 40-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2006. № 12. Ст. 1231.

¹¹ Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции : принята Резолюцией Генер. Ассамблеи ООН от 31 окт. 2003 г. № 58/4 // Там же. № 26. Ст. 2780.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Рормозер Г. Кризис либерализма : пер. с нем. / Г. Рормозер. — М., 1996. — 298 с.
2. Чичерин Б.Н. Философия права / Б.Н. Чичерин. — М. : Типо-литогр. т-ва Кушнеров и Ко, 1900. — 341 с.
3. Авдеев В.А. Государственная политика РФ в сфере противодействия преступлениям коррупционной направленности / В.А. Авдеев, О.А. Авдеева // Российская юстиция. — 2015. — № 5. — С. 24–28.
4. Кларк Дж.Б. Распределение богатства / Дж.Б. Кларк. — М. : Гелиос АРВ, 2011. — 368 с.
5. Брюммерхофф Д. Теория государственных финансов : пер. с нем. / Д. Брюммерхофф. — Владикавказ : Пионер-пресс, 2002. — 458 с.
6. Теоретические основы предупреждения преступности на современном этапе развития российского общества / под общ. ред. Р.В. Жубрина. — М. : Проспект, 2016. — 656 с.
7. Лунеев В.В. Курс мировой и российской криминологии : в 2 т. / В.В. Лунеев. — М. : Юрайт, 2013. — Т. 2 : Особенная часть. — 872 с.
8. Свенсон Б. Экономическая преступность : пер. со швед. / Б. Свенсон ; под ред. М.А. Моргунова. — М. : Прогресс, 1987. — 160 с.
9. Игры экономических убийц. Тайный мир международных махинаций и сеть глобальной коррупции / под ред. С. Хайата. — М. : Претекст, 2008. — 447 с.

10. Gutmann P. The Subterranean Economy / P. Gutmann // *Financial Analysts Journal*. — 1977. — Vol. 33. — P. 24–27.
11. Ahumada H. The Monetary method to measure the size of the shadow economy: a critical examination of its use / H. Ahumada, F. Alvaredo, A. Canavese // *Revue economique*. — 2009. — Vol. 60, № 5. — P. 1069–1078.
12. Becker G. Crime and Punishment: An Economic Approach / G. Becker // *Journal of Political Economy*. — 1968. — Vol. 76, № 2. — P. 169–217.
13. Bernaskoni P. Finanzunterwelt / P. Bernaskoni. — Zurich : Wiesbaden, 1988. — 125 S.
14. Müller C. Geldwascherei: Motive — Formen — Abwehr / C. Müller. — Zurich : Treuhand-Kammer, 1992.
15. Oswald K. Die Implementation gesetzlicher Maßnahmen zur Bekämpfung der Geldwäsche in der Bundesrepublik Deutschland / K. Oswald. — Freiburg im Breisgau : Max-Planck-Institut für ausländisches und internationales Strafrecht, 1997. — 380 S.
16. Roase R.H. Comment / R.H. Roase // *Journal of Institutional and Theoretical Economics*. — 1984. — Vol. 140, № 1.
17. Zund A. Geldwascherei: Motive — Formen — Abwehr / A. Zund // *Der schweizer Treuhändler*. — 1990. — № 9. — S. 403–408.
18. Sutherland E.H. White Collar Criminality / E.H. Sutherland // *American Sociological Review*. — 1940. — № 5. — P. 1–12.
19. Sutherland E.H. White Collar Crime / E.H. Sutherland. — New York : Holt, Rinehart & Winston, 1949. — 272 p.
20. Кондрат Е.Н. Правонарушения в финансовой сфере России. Угрозы финансовой безопасности и пути противодействия / Е.Н. Кондрат. — М. : Юстицинформ, 2014. — 928 с.
21. Ларичев В.Д. Проблемы и подходы к предупреждению преступности в сфере экономической деятельности / В.Д. Ларичев. — М. : Юрлитинформ, 2016. — 168 с.
22. Криминологическая характеристика «откатов» в современной России / под общ. ред. Р.В. Жубрина. — М. : Юрлитинформ, 2016. — 248 с.
23. Криминология : учебник / под ред. В.Н. Кудрявцева, В.Е. Эминова. — М., 2015. — 800 с.
24. Алауханов Е.О. Криминология : учебник / Е.О. Алауханов. — СПб. : Юрид. центр Пресс, 2013. — 608 с.
25. Овчинский В. Айсберг преступности [Электронный ресурс] / В. Овчинский. — Режим доступа: <http://www.kommersant.ru/doc/2300227>.
26. Марданов А.Б. Криминальная экономическая антропология как направление отечественной криминологии / А.Б. Марданов. — СПб. : Юрид. центр, 2014. — 184 с.
27. Николаев Я. Просветление рубля [Электронный ресурс] / Я. Николаев // *Российская газета* (федер. вып.). — 2015. — 24 сент. — Режим доступа: <http://rg.ru/2015/09/25/centrobank.html>.
28. Аксенов П. Обналичивание в налички [Электронный ресурс] / Павел Аксенов // *Коммерсантъ*. — 2016. — 9 февр. — С. 8. — Режим доступа: <http://www.kommersant.ru/doc/2911705>.
29. Соловьев И.Н. Опасные финансовые схемы: фирмы-однодневки / И.Н. Соловьев. — М. : Проспект, 2014. — 88 с.
30. Бурлаков В.Н. Криминализация незаконного обогащения: теоретическая модель состава преступления / В.Н. Бурлаков // *Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права*. — 2015. — Т. 9, № 1. — С. 12–19. — DOI: 10.17150/1996-7756.2015.9(1).12-19.

REFERENCES

1. Rormozer G. *Krizis liberalizma* [The Crisis of Liberalism]. Moscow, 1996. 298 p.
2. Chicherin B.N. *Filosofiya prava* [The Philosophy of Law]. Moscow, Kushnerov i K° Publ., 1900. 341 p.
3. Avdeev V.A., Avdeeva O.A. State policy of the RF in the sphere of counteracting corruption and crimes of corruption orientation. *Rossiiskaya yustitsiya = Russian Justice*, 2015, no. 5, pp. 24–28. (In Russian).
4. Clark J. *The Distribution of Wealth: A Theory of Wages, Interest and Profits*. New York, The Macmillan Company, 1899. (Russ. ed.: Klark Dzh.B. *Raspredelenie bogatstva*. Moscow, Gelios ARV Publ., 2011. 368 p.).
5. Brümmerhoff D. *Finanzwissenschaft*. 7 völlig überarb. Aufl. München, Wien, Oldenbourg, 1996. (Russ. ed.: Bryumerkhoff D. *Teoriya gosudarstvennykh finansov*. Vladikavkaz, Pioner-press Publ., 2002. 458 p.).
6. Zhubrin R.V. (ed.). *Teoreticheskie osnovy preduprezhdeniya prestupnosti na sovremennoy etape razvitiya rossiiskogo obshchestva* [The Theoretical Basis of Crime Prevention at the Present Stage of Russian Society's Development]. Moscow, Prospekt Publ., 2016. 656 p.
7. Lunev V.V. *Kurs mirovoi i rossiiskoi kriminologii* [A Course in the World and Russian Criminology]. Moscow, Yurait Publ., 2013. Vol. 2. 872 p.
8. Svensson B. *Ekonomisk kriminalitet*. Goteborg, Tholin/Larsson/Gruppen, 1983. 104 p. (Russ. ed.: Svensson B. *Ekonomicheskaya prestupnost'*. Moscow, Progress Publ., 1987. 160 p.).
9. Hiatt S. (ed.). *A Game as Old as Empire: The Secret World of Economic Hit Men and the Web of Global Corruption*. San Francisco, Berrett-Koehler Publishers, Inc, 2007. (Russ. ed.: Khaiat S. (ed.). *Igry ekonomicheskikh ubiits. Tainyi mir mezhdunarodnykh makhinatsii i set' global'noi korruptsii*. Moscow, Pretekst Publ., 2008. 447 p.).
10. Gutmann P. The Subterranean Economy. *Financial Analysts Journal*, 1977, vol. 33, pp. 24–27.
11. Ahumada H., Alvaredo F., Canavese A. The Monetary method to measure the size of the shadow economy: a critical examination of its use. *Revue economique*, 2009, vol. 60, no. 5, pp. 1069–1078.
12. Becker G. Crime and Punishment: An Economic Approach. *Journal of Political Economy*, 1968, vol. 76, no. 2, pp. 169–217.
13. Bernaskoni P. *Finanzunterwelt*. Zurich, Wiesbaden, 1988. 125 p.
14. Müller C. *Geldwascherei: Motive — Formen — Abwehr*. Zurich, Treuhand-Kammer, 1992.
15. Oswald K. *Die Implementation gesetzlicher Maßnahmen zur Bekämpfung der Geldwäsche in der Bundesrepublik Deutschland*. Freiburg im Breisgau, Max-Planck-Institut für ausländisches und internationales Strafrecht, 1997. 380 S.
16. Roase R.H. Comment. *Journal of Institutional and Theoretical Economics*, 1984, vol. 140, no. 1.
17. Zund A. Geldwascherei: Motive — Formen — Abwehr. *Der schweizer Treuhändler*, 1990, no. 9, pp. 403–408.

18. Sutherland E.H. White Collar Criminality. *American Sociological Review*, 1940, no. 5, pp. 1–12.
19. Sutherland E.H. *White Collar Crime*. New York, Holt, Rinehart & Winston, 1949. 272 p.
20. Kondrat E.N. *Pravonarusheniya v finansovoi sfere Rossii. Ugrozy finansovoi bezopasnosti i puti protivodeistviya* [Financial Offences in Russia. Threats to Financial Safety and Ways of Counteraction]. Moscow, Yustitsinform Publ., 2014. 928 p.
21. Larichev V.D. *Problemy i podkhody k preduprezhdeniyu prestupnosti v sfere ekonomicheskoi deyatel'nosti* [Problems and Approaches to Preventing Crimes in the Sphere of Economic Activities]. Moscow, Yurlitinform Publ., 2016. 168 p.
22. Zhubrin R.V. (ed.). *Kriminologicheskaya kharakteristika «otkatov» v sovremennoi Rossii* [The Criminological Characteristics of «Kickbacks» in Modern Russia]. Moscow, Yurlitinform Publ., 2016. 248 p.
23. Kudryavtsev V.N., Eminov V.E. (eds). *Kriminologiya* [Criminology]. Moscow, 2015. 800 p.
24. Alaukhanov E.O. *Kriminologiya* [Criminology]. Saint Petersburg, Yuridicheskii tsentr Press Publ., 2013. 608 p.
25. Ovchinskii V. *Aisberg prestupnosti* [The Iceberg of Criminality]. Available at: <http://www.kommersant.ru/doc/2300227>. (In Russian).
26. Mardanov A.B. *Kriminal'naya ekonomicheskaya antropologiya kak napravlenie otechestvennoi kriminologii* [Criminal Economic Anthropology as a Trend of Russian Criminology]. Saint Petersburg, Yuridicheskii Tsentr Publ., 2014. 184 p.
27. Nikolaev Ya. The Increase of the Ruble's Transparency. *Rossiiskaya Gazeta*, 2015, September 24. Available at: <http://rg.ru/2015/09/25/centrobank.html>. (In Russian).
28. Aksenov P. Cashing is in Stock. *Kommersant*, 2016, February 9, pp. 8. Available at: <http://www.kommersant.ru/doc/2911705>. (In Russian).
29. Solov'ev I.N. *Opasnye finansovye skhemy: firmy-odnodnevki* [Dangerous Financial Schemes: Short-Term Businesses]. Moscow, Prospekt Publ., 2014. 88 p.
30. Burlakov V.N. Unlawful enrichment criminalization: abstract model of crime elements. *Kriminologicheskii zhurnal Baikal'skogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i prava = Criminology Journal of Baikal National University of Economics and Law*, 2015, vol. 9, no. 1, pp. 12–19. DOI: 10.17150/19967756.2015.9(1).12-19. (In Russian).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Бачурин Дмитрий Геннадьевич — доцент кафедры финансов, денежного обращения и кредита Тюменского государственного университета, кандидат юридических наук, г. Тюмень, Российская Федерация; e-mail: 01ter@mail.ru.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Bachurin, Dmitry G. — Ass. Professor, Chair of Finance, Money Circulation and Credit, Tyumen State University, Ph.D. in Law, Tyumen, the Russian Federation; e-mail: 01ter@mail.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Бачурин Д.Г. Криминологическая оценка размеров номенклатурно-коррупционного внеэкономического распределения в Российской Федерации / Д.Г. Бачурин // Всероссийский криминологический журнал. — 2017. — Т. 11, № 3. — С. 503–519. — DOI: 10.17150/2500-4255.2017.11(3).503-519.

FOR CITATION

Bachurin D.G. Criminological assessment of the extent of bureaucratic-corruption non-economic distribution in the Russian Federation. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology*, 2017, vol. 11, no. 3, pp. 503–519. DOI: 10.17150/2500-4255.2017.11(3).503-519. (In Russian).